СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ XLIII, № 1.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

22-го ноября 1887 года.

ПОСВЯЩЕННОЕ ЧЕСТВОВАНІЮ

К. Н. БАТЮШКОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1887.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1887 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНІЕ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

22-го ноября 1887 года,

ПО ПОВОДУ ИСПОЛНИВШАГОСЯ ВЪ МАѢ МѢСЯЦѢ СТОЛѢТІЯ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ

К. Н. БАТЮШКОВА.

ОЧЕРКЪ ЛИЧНОСТИ И ПОЭЗІИ БАТЮШКОВА.

Рѣчь академика **Я. К. Грота.**

Постепенное развитіе русской литературы во второй половинѣ прошлаго столѣтія вызвало въ наше время цѣлый рядъ чествованій со стороны Императорской Академіи Наукъ. Начавъ въ 1865 году юбилеемъ Ломоносова, она послѣдовательно поминала то своими трудами, то публичнымъ словомъ Державина, Карамзина, Крылова, Жуковскаго и Гнѣдича, именами которыхъ отмѣчены болѣе или менѣе яркія точки въ поступательномъ движеніи отечественной словесности.

Нынѣ настала очередь современника и друга двухъ послѣднихъ изъ названныхъ писателей — Константина Николаевича Батюшкова, родившагося сто лѣтъ тому назадъ, именно черезъ 4 года послѣ Жуковскаго и черезъ 3 послѣ Гнѣдича. Настоящее чествованіе его памяти является тѣмъ болѣе своевременнымъ, что съ годовщиною дня его рожденія въ маѣ текущаго года почти совпалъ выходъ въ свѣтъ перваго полнаго изданія его сочиненій и писемъ, которое только теперь даетъ возможность узнать и оцѣнить эту высоко-даровитую личность во всемъ ея значеніи, тогда какъ до сихъ поръ мы знали Батюшкова

только отчасти, какъ поэта, и имѣли весьма недостаточное понятіе о его жизни и ходѣ развитія. Но этимъ не исчерпывается заслуга Помпея Николаевича Батюшкова, какъ издателя, и Леонида Николаевича Майкова, какъ редактора полнаго собранія сочиненій чествуемаго нами писателя. Оно составляетъ важный вкладъ въ исторію всей русской литературы первыхъ десятилѣтій 19-го вѣка: оно вводитъ насъ въ кругъ всего ея движенія, знакомитъ насъ съ большею частью ея представителей. Въ примѣчаніяхъ, приложенныхъ къ каждому отдѣлу изданія, мы находимъ множество новыхъ свѣдѣній біографическихъ и библіографическихъ о писателяхъ, изъ которыхъ нѣкоторые до сихъ поръ были извѣстны только по именамъ, или біографія которыхъ, по крайней мѣрѣ, была очень мало разработана, напр. о Пушкиныхъ, Василіи Львовичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, о кн. Борисѣ Владимировичѣ Голицынѣ, о сатирикѣ кн. Дмитріи Петровичѣ Горчаковѣ, объ Александрѣ Ивановичѣ Тургеневѣ, Иванѣ Матвѣевичѣ Муравьевѣ-Апостолѣ, Михаилѣ Никитичѣ Муравьевѣ и друг. Для каждаго изслѣдователя русской литературы первой трети нынѣшняго столѣтія недавно появившееся изданіе Батюшкова будетъ отнынѣ необходимымъ пособіемъ.

Всѣ эти свѣдѣнія о современникахъ Батюшкова служили только вспомогательнымъ матеріаломъ почтенному комментатору его произведеній и составителю его біографіи, для которой онъ не уклонился отъ самыхъ добросовѣстныхъ и основательныхъ изысканій, не только въ прошломъ отечественной словесности, но и въ области иностранныхъ литературъ, всякій разъ, когда онъ находилъ въ нихъ точки соприкосновенія съ творчествомъ нашего поэта.

Предоставляя ученому и талантливому біографу Батюшкова, какъ члену-корреспонденту нашей Академіи, изложить предъ вами обзоръ постепеннаго развитія этого замѣчательнаго писателя, я съ своей стороны ограничусь задачею представить вамъ только общій очеркъ его личности и значенія.

Это была одна изъ самыхъ даровитыхъ натуръ, когда-либо появлявшихся въ области русской литературы. Получивъ весьма скудное образованіе въ частномъ петербургскомъ пансіонѣ, Батюшковъ, побуждаемый природною любознательностью, постоянно дополнялъ свои свѣдѣнія изученіемъ иностранныхъ языковъ и литературъ. Зная съ дѣтства французскій языкъ, онъ позднѣе съ особенною любовью усвоилъ себѣ знакомство съ итальянскимъ и съ нѣмецкимъ, и страстно предавался преимущественно изученію Тасса. Надо сказать, что и обстоятельства особенно благопріятствовали усиленному удовлетворенію его умственныхъ и эстетическихъ потребностей. Будучи племянникомъ и питомцемъ просвѣщеннаго попечителя Московскаго университета Михаила Никитича Муравьева, Батюшковъ рано введенъ былъ въ кругъ лучшихъ литераторовъ своего времени и пріобрѣлъ дружбу такихъ людей, какъ Оленинъ, И. И. Дмитріевъ, А. И. Тургеневъ, Карамзинъ, Муравьевъ-Апостолъ, Нелединскій-Мелецкій, Жуковскій, Гнѣдичъ, Крыловъ и кн. Вяземскій. Вотъ то́ общество, въ которомъ Батюшковъ вращался въ немногіе годы своей литературной дѣятельности, вотъ тѣ лица, съ которыми онъ переписывался. Его обширною перепискою съ ними мы обязаны тому, что Батюшковъ, по ходу своей службы и по своимъ семейнымъ обстоятельствамъ, часто долженъ былъ перемѣнять мѣста своего пребыванія: то́—по званію офицера участвовалъ въ заграничныхъ походахъ, то, находясь въ отставкѣ, жилъ попеременно въ Петербургѣ, въ Москвѣ или въ деревнѣ, то наконецъ, вступивъ на дипломатическое поприще, очутился въ Италіи, давнишней цѣли своихъ пламенныхъ мечтаній. Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ сохранились полныя интереса письма Батюшкова, обращенныя, то къ одному изъ названныхъ лицъ, то къ горячо любимой старшей сестрѣ, съ которою онъ пра́вда бесѣдуетъ чаще всего о семейныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ, но сообщаетъ ей также, со свойственною ему откровенностью, тайныя свои помышленія, чувства и планы. Большая часть его писемъ богаты мыслями и свѣдѣніями о современной литературѣ

и положеніи тогдашнихъ дѣлъ, такъ что могутъ служить дополненіемъ къ матеріаламъ для нашей общественной исторіи. Многія изъ этихъ писемъ были уже прежде извѣстны, но они до настоящаго времени оставались разсѣянными въ разныхъ журналахъ и сборникахъ, и только теперь явились въ полномъ видѣ и повременномъ порядкѣ, представляя, при сопровождающихъ ихъ объясненіяхъ, одну изъ самыхъ цѣнныхъ частей всего изданія, въ которой мы получили возможность слѣдить за всѣми изгибами прекрасной души ихъ автора, за всѣми его возвышенными стремленіями и неизбѣжными слабостями.

Съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ въ области слова Батюшковъ является пламеннымъ энтузіастомъ всего добраго и высокаго. Что всего болѣе цѣнитъ онъ и хвалитъ въ жизни? Это благородныя чувства любви и дружбы, это свобода, литература, поэзія, природа и искусство, это пламенный патріотизмъ, служеніе согражданамъ оружіемъ и перомъ, принесеніе жизни въ жертву отечеству; съ другой стороны къ этому присоединяется пренебреженіе къ богатствамъ и чинамъ и отвращеніе отъ сухихъ канцелярскихъ занятій. Такіе вкусы не могли конечно служить благопріятными условіями для служебной карьеры. Несмотря на самоотверженіе, съ какимъ онъ въ годину опасности отечества вступилъ въ ряды арміи и запечатлѣлъ свое усердіе кровью, получивъ рану, оставившую на всю жизнь гибельныя для его организма послѣдствія, Батюшковъ былъ обойденъ въ сравненіи со своими сослуживцами, и перейдя послѣ въ гражданскую службу, занялъ въ ней весьма скромное положеніе. Оттуда его постоянныя, справедливыя жалобы въ письмахъ на свое здоровье и неудачи по службѣ. Зато, съ другой стороны, все что вредитъ его успѣхамъ на этомъ поприщѣ, становится источникомъ его поэтическаго творчества и быстро пріобрѣтенной славы, о которой онъ мечталъ съ ранней юности, которую онъ любилъ по собственному признанію, часто повторяемому имъ въ письмахъ, хотя въ стихахъ своихъ онъ и говоритъ о ней съ пренебреженіемъ.

Начитавшись смолоду Вольтера, Руссо, Парни, а впослѣдствіи Монтаня и Петрарки и ознакомясь въ переводахъ съ Гораціемъ и Тибулломъ, Батюшковъ, при своей впечатлительности естественно увлекся ихъ взглядами на жизнь и сдѣлался, особенно въ первую эпоху своего творчества, горячимъ приверженцемъ эпикуреизма. Воображеніе преобладало въ немъ надъ всѣми другими способностями (что́, замѣтимъ мимоходомъ, по мнѣнію врача, лѣчившаго впослѣдствіи его душевный недугъ, было первымъ источникомъ этой страшной болѣзни и съ самаго рожденія Константина Николаевича составляло зародышъ ея). Такимъ образомъ Батюшковъ обладалъ въ высшей степени однимъ изъ необходимѣйшихъ для поэта условій. Не даромъ собраніе его произведеній и открывается пьесою *Мечта*, которую онъ началъ въ 1802-мъ году 15-ти лѣтнимъ мальчикомъ, и не даромъ онъ въ позднѣйшее время (1810 — 1817 гг.) два раза передѣлывалъ ее. Знаменательно также, что подобной передѣлкѣ подвергалась и другая его пьеса 1805 года *Совѣтъ друзьямъ* (стр. 36), явившаяся чрезъ пять лѣтъ подъ заглавіемъ *Веселый часъ* (стр. 96). Въ ней выразилась основная идея философіи молодого Батюшкова. Въ первой редакціи онъ говоритъ между прочимъ:

Когда счастливо жить хотите
Среди весеннихъ краткихъ дней,
Друзья, оставьте призракъ славы,
Любите въ юности забавы
И сѣйте розы на пути!

. . . . . .

Жизнь — мигъ: не долго веселиться,
Не долго намъ и въ счастьи жить!
Не долго!... Но печаль забудемъ,
Мечтать во сладкой нѣгѣ будемъ:
Мечта — прямая счастья мать!

Въ измѣненной редакціи этого стихотворенія, уже получившаго другое заглавіе (*Веселый часъ*), мы читаемъ:

Други, сядьте и внемлите
Музы ласковый совѣтъ.
Вы счастливо жить хотите
На зарѣ весеннихъ лѣтъ?
Отгоните призракъ славы,
Для веселья и забавы
Сѣйте розы на пути!
Скажемъ юности: лети,
Жизнью дай лишь наслаждиться,
Полной чашей радость пить!
Ахъ, не долго веселиться
И не вѣки въ счастьи жить!

Въ такой переработкѣ это стихотвореніе вошло въ собраніе сочиненій Батюшкова, изданныхъ въ 1818 году. Но когда онъ, въ слѣдующемъ году, сталъ готовить новое изданіе ихъ, онъ рѣшился не перепечатывать этой пьесы, что́ конечно указываетъ на поворотъ, уже происшедшій въ настроеніи поэта.

Доказательство тому мы видимъ въ его статьѣ въ прозѣ «о морали, основанной на философіи и религіи» (1815). Здѣсь онъ положительно высказывается противъ прежняго своего образа мыслей и говоритъ между прочимъ: «толпа философовъ-эпикурейцевъ отъ Монтаня до самыхъ бурныхъ дней революціи, повторяла человѣку: «Наслаждайся! Вся природа твоя: она предлагаетъ тебѣ всѣ сладости свои, всѣ упоенія уму, сердцу, воображенію, чувствамъ... Но гдѣ же сіи сладости, сіи наслажденія?... Гдѣ они, спрашиваетъ сластолюбивый въ тишинѣ страстей своихъ?... Къ чему ведутъ эти суетныя познанія ума, науки и опытность, трудомъ пріобрѣтенныя?

«Нѣтъ отвѣта, и не можетъ быть!... Что такое всѣ наши познанія, опытность и самыя правила нравственности безъ вѣры,

безъ сего путеводителя, и зоркаго, и строгаго, и снисходительнаго?»

Кратокъ былъ срокъ, назначенный ему судьбою для умственной дѣятельности. Проживъ около 70-ти лѣтъ, онъ изъ нихъ могъ употребить только 15 на литературную дѣятельность. Подобно Пушкину, Батюшковъ необыкновенно рано достигъ высокаго развитія своихъ способностей и уже 14-ти лѣтнимъ мальчикомъ сталъ писать стихи: первая напечатанная пьеса его относится къ 1802 году, но за то послѣ 1818 онъ уже почти ничего не писалъ. Съ 1819 года блестящій умъ его начинаетъ тускнѣть, воображенію его начинаютъ являться мрачныя страшилища, и вскорѣ огонь души, такъ ярко горѣвшій въ молодости его, совершенно погасаетъ.

Неудивительно поэтому, что талантъ Батюшкова не успѣлъ проявиться во всей полнотѣ своей и что собраніе литературныхъ трудовъ его не поражаетъ своею обширностью. Въ оставшихся отъ него 132 стихотвореніяхъ (считая и самыя мелкія) только 90 (т. е. около $^2/_3$) составляютъ собственныя его оригинальныя произведенія: все остальное переводы или подражанія. Въ оригинальныхъ стихотвореніяхъ его господствуютъ два направленія: *лирическое* и *сатирическое*.

Эта послѣдняя сторона таланта Батюшкова, свойственная ему преимущественно въ молодости, начинаетъ очень рано обнаруживаться. Такъ еще въ 1804 г. въ пьесѣ *Посланіе къ стихамъ моимъ* онъ остроумно осмѣиваетъ, подъ разными вымышленными именами, нѣсколькихъ современныхъ писателей, Шишкова, Станкевича, Боброва и др.

Между *сатирическими* стихотвореніями Батюшкова есть два весьма крупныя, которыя навсегда останутся любопытными памятниками борьбы двухъ лагерей, образовавшихся въ тогдашней литературѣ. Это *Видѣніе на берегахъ Леты* и *Пѣвецъ въ Бесѣдѣ Славянороссовъ*. Въ *Видѣніи Леты* (1809) собравшіяся въ Элизіи тѣни умершихъ русскихъ писателей 18-го вѣка, начиная отъ Ломоносова, спорятъ между собой, какъ вдругъ при-

летаетъ Меркурій и возвѣщаетъ имъ приходъ цѣлой толпы современныхъ поэтовъ, которыхъ Аполлонъ осудилъ на смерть. По мѣрѣ появленія ихъ, Миносъ допрашиваетъ по очереди: Мерзлякова, Дм. Языкова, Шаликова, С. Глинку, Боброва, Шихматова, Шишкова. Иронія заключается въ томъ, какъ каждый изъ нихъ по-свóему очерчиваетъ свои труды. Всѣмъ имъ угрюмый судья указываетъ путь къ *Летъ*. Но вдругъ является Крыловъ, который, какъ извѣстно, былъ сослуживцемъ Батюшкова въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и ему въ концѣ пьесы посвящается слѣдующая характеристическая тирада, чрезвычайно наглядно, хотя и нѣсколько карикатурно, рисующая славнаго баснописца (стр. 85):

Тутъ тѣнь къ Миносу подошла
Неряхой и въ нарядѣ странномъ:
Въ широкомъ шлафорѣ издранномъ,
Въ пуху, съ нечесаной главой,
Съ салфеткой, съ книгой подъ рукой.
«Меня въ расплохъ», она сказала,
«Въ обѣдъ нарочно смерть застала,
«Но съ вами я опять готовъ
«Еще хоть сызнова отвѣдать
«Вина и адскихъ пироговъ:
«Теперь же часъ, друзья, обѣдать.
«Я вамъ знакомый, я Крыловъ». —
«Крыловъ, Крыловъ!» въ одно вскричало
Собранье шумное духовъ,
И эхо глухо повторяло
Подъ сводомъ адскимъ: «Здѣсь Крыловъ!»
«Садись сюда, пріятель милый!
«Здоровъ ли ты?»—«И такъ и сякъ».—
«Ну, чтожъ ты дѣлалъ?»—«Все пустякъ:
«Тянулъ тихонько вѣкъ унылый,
«Пилъ, сладко ѣлъ, а болѣ спалъ.

«Ну вотъ, Миносъ, мои творенья;
«Съ собой я очень мало взялъ:
«Комедіи, стихотворенья,
«Да басни всѣ». — «Купай, купай!»
О чудо!... Всплыли всѣ! И вскорѣ
Крыловъ, забывъ житейско горе,
Пошелъ обѣдать прямо въ рай.

Хотя Батюшковъ въ письмѣ къ Гнѣдичу и говоритъ, что «этакіе стихи слишкомъ легко писать, а чести большой они не приносятъ»; но изъ другихъ мѣстъ его переписки видно, что онъ гордился этой пьесой, предсказывая, что она никогда не забудется.

Пѣвецъ въ Бесѣдѣ Славянороссовъ, пародія «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскаго, относится къ 1815 году, т. е. къ тому времени, какъ возникло знаменитое Арзамасское общество для противодѣйствія шишковской бесѣдѣ. Въ этой пьесѣ Батюшковъ, какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей Арзамаса, въ которомъ онъ носилъ прозвище *Ахилла*, выставляетъ на позоръ смѣшное самовосхваленіе Бесѣдниковъ, какъ послѣдователей Тредьяковскаго.

Послѣ этого памфлета, у Батюшкова уже не встрѣчается стихотвореній въ сатирическомъ родѣ, но замѣчательно, что и въ лирическихъ его пьесахъ, посреди грустныхъ размышленій, часто является шутка или ироническое отношеніе къ самому себѣ. Эту оригинальную черту мы находимъ и въ письмахъ его.

Раннія пьесы Батюшкова, относящіяся къ лирическому роду, дышатъ, какъ уже было замѣчено, эпикуреизмомъ, но въ нихъ отражается и стремленіе къ любимымъ его идеаламъ. Часто слышится въ нихъ также отголосокъ глубокой грусти, оставленной въ немъ несчастною любовью и потерею сослуживца и друга (именно молодого офицера Петина, убитаго вблизи отъ него въ сраженіи при Лейпцигѣ). Мало по малу это чувство уныніе начинаетъ преобладать въ его поэзіи. Сюда

относится особенно стихотвореніе 1815 г. *Воспоминанія*, начинающееся такъ:

Я чувствую, мой даръ въ поэзіи погасъ,
И муза пламенникъ небесный потушила.

Здѣсь онъ между прочимъ обращается къ той, которой хотѣлъ посвятить свою жизнь, но съ которою судьба не позволила ему соединиться, и онъ кончаетъ полными разочарованія стихами.

Въ другія минуты однакожъ поэтъ ищетъ утѣшенія въ религіи; такимъ настроеніемъ проникнуты особенно два стихотворенія того же года: *Надежда* и посланіе къ *Другу*, т. е. къ кн. Вяземскому.

Вотъ нѣсколько строфъ изъ послѣдняго (стр. 235):

Минутны странники, мы ходимъ по гробамъ,
Всѣ дни утратами считаемъ,
На крыльяхъ радости летимъ къ своимъ друзьямъ,
И что жъ?... Ихъ урны обнимаемъ!...
. . . . . .
Такъ все здѣсь суетно въ обители суетъ,
Пріязнь и дружество непрочно!
Но гдѣ, скажи, мой другъ, прямой сіяетъ свѣтъ?
Что вѣчно чисто, непорочно?
Напрасно вопрошалъ я опытность вѣковъ
И Кліи мрачныя скрижали,
Напрасно вопрошалъ всѣхъ міра мудрецовъ:
Они безмолвьемъ отвѣчали.
Какъ въ воздухѣ перо кружится здѣсь и тамъ,
Какъ въ вихрѣ тонкій прахъ летаетъ,
Какъ судно безъ руля стремится по волнамъ
И вѣчно пристани не знаетъ,
Такъ умъ мой посреди сомнѣній погибалъ;
Всѣ жизни прелести затмились,
Мой геній въ горести свѣтильникъ погашалъ,
И музы свѣтлыя сокрылись.

Я съ страхомъ вопрошалъ гласъ совѣсти моей...
И мракъ исчезъ, прозрѣли вѣжды,
И вѣра пролила спасительный елей
Въ лампаду чистую надежды.
Ко гробу путь мой весь какъ солнцемъ озаренъ;
Ногой надёжною ступаю
И, съ ризы странника свергая прахъ и тлѣнъ
Въ міръ лучшій духомъ возлетаю.

Здѣсь какъ будто уже отражается предчувствіе безотрадной будущности поэта, а вѣрованія и желанія его переносятся въ лучшій, загробный міръ.

Какъ обыкновенно бываетъ, большая часть мелкихъ лирическихъ стихотвореній у Батюшкова внушены ему дѣйствительными обстоятельствами или случаями его жизни, и нельзя не замѣтить, что такія именно стихотворенія всего лучше удавались ему. Слѣдуя господствовавшему въ тогдашней поэзіи обычаю, онъ часто давалъ имъ форму посланій, которыхъ у него очень много (около 20-ти). Въ нихъ онъ обращается по большей части къ тѣмъ же лицамъ, съ которыми ведетъ переписку: къ Гнѣдичу, къ Жуковскому, къ Вяземскому, къ Дашкóву, къ Тургеневу, къ Муравьеву-Апостолу, къ Карамзину.

Въ этихъ посланіяхъ онъ или философствуетъ, выражаетъ свои взгляды на жизнь, свои впечатлѣнія, свои намѣренія, воспоминанія дружбы и любви, или воздаетъ похвалу заслугамъ своихъ друзей. Въ посланіи къ Дм. Вас. Дашкóву, впослѣдствіи министру юстиціи, онъ изображаетъ картину опустошенія непріятелемъ Москвы и даетъ обѣтъ снова вступить въ ряды воиновъ, идущихъ на мщеніе за отечество (стр. 152):

Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ, пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести

И жизнь, и къ родинѣ любовь,
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ враговъ сомкнутымъ строемъ,-
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды музы и хариты,
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

Въ посланіи къ И. М. Муравьеву-Апостолу онъ развиваетъ одну изъ любимыхъ своихъ мыслей, что, вопреки мнѣнію Монтескье, климатъ не можетъ служить препятствіемъ рожденію и развитію талантовъ и что на холодномъ сѣверѣ также могутъ процвѣтать искусства, какъ и на благословенномъ югѣ.

Обращаясь къ Никитѣ Муравьеву, сыну своего благодѣтеля, онъ вспоминаетъ свою военную жизнь (стр. 270):

Какъ сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гулъ далекій
И погрузиться до утра
Подъ теплой буркой въ сонъ глубокій!
Когда по утреннимъ росамъ
Копей раздастся первый топотъ,
И ружей протяженный грохотъ
Пробудитъ эхо по горамъ,
Какъ весело передъ строями
Летать на ухарскомъ конѣ
И съ первыми въ дыму, въ огнѣ,
Ударить съ крикомъ: за врагами!
Какъ весело внимать: «Стрѣлки,
«Впередъ! Сюда, Донцы, гусары,
«Сюда, летучіе полки,
«Башкирцы, горцы и татары!»
Свисти теперь, жужжи, свинецъ!

Летайте, ядра и картечи!
Что вы для нихъ, для сихъ сердецъ,
Природой вскормленныхъ для сѣчи?

Не стану останавливаться на тѣхъ стихотвореніяхъ Батюшкова, которыя по красотамъ своимъ болѣе или менѣе извѣстны всѣмъ любителямъ поэзіи, каковы: *Мои пенаты*, *Тѣнь друга*, *Переходъ черезъ Рейнъ*, *Плѣнный*, *Умирающій Тассъ*, также его прелестныя подражанія греческой Антологіи — родъ, который былъ ему особенно по душѣ. Скажу нѣсколько словъ о его отношеніи къ современной ему поэзіи и тѣхъ образцахъ, откуда онъ могъ почерпать начала для своего развитія.

Въ русской литературѣ онъ засталъ уже труды Державина, Карамзина, Дмитріева, В. Л. Пушкина и наконецъ своего второго отца, Муравьева, къ которому питалъ благоговѣйное чувство уваженія и признательности. Въ трудахъ Батюшкова легко отыскать слѣды вліянія всѣхъ этихъ писателей; можно даже указать на соотношеніе между нѣкоторыми изъ его пьесъ съ стихотвореніями названныхъ поэтовъ. Въ одно время съ нимъ развивались: Жуковскій, Гнѣдичъ, Озеровъ. Конечно, и они не оставались безъ воздѣйствія на его творчество. Любопытно, какъ онъ смотрѣлъ на поэтическую дѣятельность Жуковскаго. Въ своихъ письмахъ онъ часто выражаетъ неодобреніе предпочтительно избраннаго Жуковскимъ рода— баллады, которая кажется ему родомъ ложнымъ; вообще упрекая его въ томъ, что онъ тратитъ свой талантъ на мелочи, Батюшковъ требуетъ отъ него поэмы, почерпнутой изъ русской исторіи. Самъ онъ также постоянно недоволенъ своимъ творчествомъ и мечтаетъ о созданіи чего-нибудь крупнаго. Съ этою цѣлію онъ уже 20-ти лѣтъ отъ роду изучаетъ Тасса и начинаетъ переводить его *Освобожденный Іерусалимъ*, а Гнѣдичу воздаетъ большія похвалы за переводъ *Иліады*, къ продолженію котораго постоянно его ободряетъ и торопитъ. Изъ внутреннихъ свойствъ поэзіи Батюшкова насъ особенно поражаетъ яркость

его картинъ, сила и выразительность языка,—достоинства, ему лично свойственныя и ни у кого не заимствованныя. Въ отношеніи къ внѣшней отдѣлкѣ его стиховъ замѣчается большая разница между ранними и позднѣйшими его стихотвореніями. Въ первыхъ еще господствуютъ старинныя поэтическія вольности нашихъ стихотворцевъ, неловкія сокращенія прилагательныхъ, неполныя риѳмы, но впослѣдствіи эти вынужденныя мѣрою неправильности становятся у него рѣже и рѣже, и стихъ пріобрѣтаетъ болѣе свободы, мягкости, граціи, пластичности и гармоніи. Можно сказать, что по прелести и музыкальности стиха онъ является блестящимъ соперникомъ Жуковскаго. Благодаря этимъ достоинствамъ, Батюшковъ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ поэтовъ и учителей молодого Пушкина. Но въ произведеніяхъ Батюшкова критика давно уже указала одинъ существенный недостатокъ—отсутствіе отраженія русской дѣйствительности и того, что уже въ его время французы мѣтко назвали «couleur locale». Трагическая судьба нашего поэта не позволила ему довести свой роскошный талантъ до окончательной зрѣлости. Можно полагать, что еслибъ онъ послѣ пребыванія въ Италіи возвратился въ Россію въ полномъ обладаніи своихъ способностей, то и въ поэзіи его насталъ бы новый періодъ, ознаменованный богатыми плодами его позднѣйшаго развитія.

Цѣлую половину трудовъ Батюшкова составляютъ статьи въ прозѣ, большая часть которыхъ написана въ одну эпоху его жизни, именно когда онъ, по дѣлу о своей отставкѣ, прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Каменецъ-Подольскѣ, и между этими статьями есть нѣсколько весьма замѣчательныхъ не только по языку, но и по содержанію. Остановимся нѣсколько на двухъ изъ нихъ, въ которыхъ авторъ какъ бы отдаетъ отчетъ въ своемъ взглядѣ на самого себя, какъ литератора и поэта. Эти статьи озаглавлены: «Нѣчто о поэтѣ и поэзіи» и «О вліяніи легкой поэзіи на языкъ». Въ первой основная мысль та, что поэтъ долженъ соглашать свою жизнь со своимъ призваніемъ. Это была конечно благородная, но трудно осуществимая мечта, противорѣчіе ко-

торой съ дѣйствительностью хорошо понималъ Пушкинъ, когда онъ говорилъ:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Батюшковъ, напротивъ, говоритъ: «Я желаю (пускай назовутъ страннымъ мое желаніе) — желаю, чтобы поэту предписали особенный образъ жизни, піотическую *діэтетику*, однимъ словомъ, чтобы сдѣлали науку изъ жизни стихотворца. — Первое правило сей науки должно быть: Живи какъ пишешь, и пиши какъ живешь. Иначе всѣ отголоски лиры твоей будутъ фальшивы».

Особенно любопытно, какъ смотрѣлъ нашъ поэтъ на то возбужденное состояніе, или настроеніе духа, въ которомъ человѣкъ, одаренный художественнымъ талантомъ, становится творцомъ и которое принято называть вдохновеніемъ. «Есть, говоритъ онъ, минуты дѣятельной чувствительности; ихъ испытали люди съ истиннымъ дарованіемъ; ихъ-то должно ловить на лету живописцу, музыканту и болѣе всѣхъ поэту, ибо онѣ рѣдки, преходящи и зависятъ часто отъ здоровья, отъ времени, отъ вліянія внѣшнихъ предметовъ, которыми по произволу мы управлять не въ силахъ».

«Нѣкто, говоритъ онъ далѣе, сравнивалъ душу поэта въ минуту вдохновенія съ растопленнымъ въ горнилѣ металломъ. . . . Вотъ прекрасное изображеніе поэта, котораго вся жизнь должна приготовлять нѣсколько плодотворныхъ минутъ . . . Люди, счастливо рожденные, которыхъ природа щедро надѣлила памятью воображеніемъ, огненнымъ сердцемъ и великимъ разсудкомъ

умѣющимъ давать вѣрное направленіе и памяти и воображенію, сіи люди имѣютъ безъ сомнѣнія даръ выражаться, прелестный даръ, лучшее достояніе человѣка, ибо посредствомъ его онъ оставляетъ вѣрнѣйшіе слѣды въ обществѣ и имѣетъ на него сильное вліяніе. Безъ него не было бы ничего продолжительнаго, вѣрнаго, опредѣленнаго, и то, что мы называемъ безсмертіемъ на землѣ, не могло бы существовать. Вѣки мелькаютъ, памятники рукъ человѣческихъ разрушаются, изустныя преданія измѣняются, исчезаютъ, но Омеръ и книги священныя говорятъ о протекшемъ. На нихъ основана опытность человѣческая. Вѣчные кладези, откуда мы почерпаемъ истины утѣшительныя или печальныя, что́ даетъ вамъ сію прочность? Искусство письма и другое важнѣйшее, искусство выраженія».

Статья Батюшкова «о вліяніи легкой поэзіи на языкъ»—это рѣчь, которую онъ произнесъ въ Москвѣ по случаю избранія его въ члены общества любителей русской словесности. Здѣсь между прочимъ мы находимъ то знаменитое мѣсто, въ которомъ поэтъ сравниваетъ Ломоносова съ Петромъ Великимъ и котораго мысль впослѣдствіи часто повторялась многими. Ломоносовъ, замѣчаетъ Батюшковъ, учинилъ на трудномъ поприщѣ словесности, что́ Петръ В. на поприщѣ гражданскомъ» и т. д. Въ этой рѣчи Батюшковъ бросаетъ взглядъ на историческій ходъ развитія у насъ поэзіи, какъ отрасли искусства, этого, по его словамъ, «лучшаго достоянія человѣка образованнаго, которое доставляетъ намъ чистѣйшія наслажденія посреди заботъ и терній жизни». Онъ кончаетъ похвалою своему благодѣтелю, Мих. Ник. Муравьеву, какъ писателю, и Карамзину, который былъ обязанъ Муравьеву возможностью посвятить себя всецѣло своему историческому подвигу. Въ замѣчательномъ заключеніи рѣчи Батюшковъ предсказываетъ въ близкомъ будущемъ новое развитіе русской литературы подъ сѣнію наставшаго послѣ наполеоновскихъ войнъ прочнаго мира. Какъ бы предчувствуя появленіе великаго таланта, кончавшаго въ то время свои ученическіе годы, онъ говоритъ: «Самая поэзія, — которая питается

ученіемъ, возрастаетъ и мужаетъ съ образованіемъ общества,— поэзія принесетъ зрѣлые плоды и доставитъ новыя наслажденія душамъ возвышеннымъ.... Общество приметъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ ума, и тогда имя писателя, ученаго и отличнаго стихотворца не будетъ дико для слуха; оно будетъ возбуждать въ умахъ всѣ понятія о славѣ отечества, о достоинствѣ полезнаго гражданина». Болѣе подробное разсмотрѣніе прозы Батюшкова повело бы насъ слишкомъ далеко. Замѣчу только, что и этотъ отдѣлъ въ новомъ изданіи его произведеній значительно пополненъ.

Удовольствуюсь сказаннымъ мною о цѣнномъ литературномъ наслѣдіи, которое Батюшковъ, несмотря на краткость періода своей дѣятельности, оставилъ потомству.—Съ того самаго года, когда онъ сошелъ со сцены, начался полный расцвѣтъ могучаго генія, который такъ любилъ талантъ своего предшественника. Батюшковъ какъ будто передалъ ему свою лиру для довершенія того, что самъ не успѣлъ сдѣлать въ поэзіи. Черезъ 11 лѣтъ съ небольшимъ Россія будетъ праздновать столѣтній юбилей рожденія Пушкина. Пожелаемъ, чтобы къ этому дню появилось такое же изданіе его твореній, какимъ литература наша обогатилась къ юбилею Батюшкова!

ХАРАКТЕРИСТИКА БАТЮШКОВА КАКЪ ПОЭТА.

Рѣчь члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ Л. Н. Майкова.

Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ октябрѣ 1817 года, вышли въ свѣтъ двѣ небольшія книжки подъ заглавіемъ: «Опыты въ стихахъ и прозѣ К. Батюшкова». Авторъ этихъ книжекъ былъ въ то время лицомъ не безызвѣстнымъ въ литературѣ: ему исполнилось уже тридцать лѣтъ, и болѣе двѣнадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилось въ печати первое его стихотвореніе. Но только изданіе его произведеній въ видѣ особаго сборника, притомъ обогащеннаго нѣсколькими вновь написанными стихотвореніями, давало возможность судить о силѣ и зрѣлости его поэтическаго дарованія.

Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ русская литература еще не обладала тѣми сокровищами поэзіи, на которыхъ воспиталось художественное и нравственное чувство позднѣйшихъ поколѣній нашего общества. Свободное творчество самыхъ сильныхъ дарованій еще изнемогало въ борьбѣ съ требованіями школьной теоріи и съ необработанностью литературной рѣчи: необходимость стилистической реформы, совершенной Карамзинымъ, признавалась еще далеко не всѣми. Едва минулъ годъ, что сошелъ въ могилу старикъ Державинъ — великая творческая сила, впервые воплотившая въ себѣ образъ русскаго поэта, но сила, еще лишенная художественнаго чувства мѣры и той спо-

собности къ тонкой отдѣлкѣ, безъ которой не можетъ быть совершенно созданіе искусства. Сильный талантъ Озерова угасъ преждевременно, послѣ немногихъ опытовъ въ общепринятой тогда формѣ драматическихъ произведеній. Молодое дарованіе Жуковскаго искало новыхъ путей для творчества въ иностранныхъ литературахъ; но Жуковскій былъ болѣе поэтъ въ душѣ, чѣмъ мастеръ поэтической формы: она занимала его меньше, чѣмъ внутреннее содержаніе произведенія. Пушкина еще не было; нѣсколько юношескихъ произведеній его, разсѣянныхъ по журналамъ, большею частью подражаній чужимъ образцамъ, еще не давали намека на то, что въ русской литературѣ народился настоящій геніальный поэтъ

Въ это-то время смутныхъ колебаній литературнаго вкуса, когда онъ утратилъ вѣру въ уставы псевдоклассической теоріи, но еще не нашелъ себѣ новыхъ руководящихъ началъ, въ это-то время появились «Опыты» Батюшкова. Сборникъ былъ встрѣченъ почетнымъ вниманіемъ; но существенныя достоинства поэта были оцѣнены далеко не въ полной мѣрѣ. Одинъ лишь критическій отзывъ вѣрно намѣтилъ свойства таланта Батюшкова: отзывъ этотъ принадлежалъ одному изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, человѣку, пониманіе котораго въ области искусства далеко возвышалось надъ мнѣніями большинства современниковъ. Привѣтствуя появленіе «Опытовъ», Уваровъ высказалъ убѣжденіе, что въ лицѣ Батюшкова русская литература обладаетъ сильнымъ и самобытнымъ талантомъ; сравнивая Батюшкова съ Жуковскимъ, онъ не усомнился поставить ихъ рядомъ: не второй, а другой, non secundus sed alter, выразился онъ о Батюшковѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на полное различіе въ дарованіяхъ обоихъ поэтовъ. Однако, сказать больше не могъ и этотъ тонкій цѣнитель. Дѣло въ томъ, что полная и вѣрная оцѣнка Батюшкова возможна лишь въ исторической связи литературныхъ явленій: онъ объясняется не столько изъ прошлаго, не столько даже изъ своего времени, сколько по сравненію съ дальнѣйшимъ развитіемъ русской поэзіи.

Эта особенность затрудняетъ дѣло оцѣнки, но въ то же время свидѣтельствуетъ, что Батюшковъ — одно изъ самыхъ крупныхъ дарованій между русскими поэтами, и что лишь преждевременная гибель помѣшала ему совершить еще многое, на что онъ былъ способенъ.

Постараюсь раскрыть внутреннее развитіе таланта Батюшкова и затѣмъ указать, какое значеніе этотъ писатель имѣетъ въ общемъ ходѣ русской поэзіи.

Батюшковъ воспитался подъ образовательнымъ вліяніемъ XVIII вѣка. Въ ранней юности онъ имѣлъ счастіе найти просвѣщеннаго руководителя въ одномъ изъ лучшихъ людей своего времени, М. Н. Муравьевѣ. Муравьевъ усвоилъ себѣ изъ умственнаго движенія XVIII столѣтія все лучшее — гуманность понятій, уваженіе къ человѣческой личности и пламенную любовь къ просвѣщенію, и все это онъ передалъ своему даровитому питомцу. Знатокъ классической древности, страстный любитель литературы и искусства, онъ позаботился сообщить Константину Николаевичу начатки классическаго образованія, развилъ его вкусъ и внушилъ ему склонность къ занятіямъ словесностью.

Въ семьѣ Муравьева, въ тѣсной дружбѣ съ Гнѣдичемъ и вообще среди людей, которымъ были близки интересы просвѣщенія и доступно чувство изящнаго, Батюшковъ провелъ первые годы юности какъ беззаботный и счастливый мечтатель. Свѣтлому настроенію, усвоенному имъ въ мирной домашней обстановкѣ и въ избранномъ свѣтскомъ кругу, соотвѣтствовало и то эпикурейское воззрѣніе на жизнь, которое онъ находилъ въ изучаемыхъ имъ римскихъ поэтахъ, и то сенсуалистическое ученіе, которое проповѣдывала большая часть знакомыхъ ему писателей новаго времени. Подъ такими впечатлѣніями возникли первые поэтическіе опыты Батюшкова; уже въ нихъ онъ обнаруживаетъ стремленіе сойти съ торной дороги стараго піитическаго искусства; онъ настойчиво уклоняется отъ напыщенности, обычной у тогдашнихъ стихотворцевъ, и ищетъ матеріала для своихъ произведеній единственно въ своемъ внутреннемъ на-

строеніи; интимная лирика, то, что въ старину называлось легкою поэзіей, сразу становится исключительною областью его творчества.

Однако, вслѣдъ за радостями жизни, юношѣ пришлось извѣдать и ея мрачную сторону. Въ 1807 году, въ порывѣ патріотическаго воодушевленія при второй нашей войнѣ съ Наполеономъ, онъ вступилъ въ военную службу и—былъ тяжело раненъ въ одномъ изъ первыхъ сраженій, въ которыхъ участвовалъ; вслѣдъ затѣмъ онъ страстно полюбилъ одну дѣвушку, и она отвѣчала ему полною взаимностью, но—обстоятельства развели ихъ врознь, и чувство молодого человѣка осталось неудовлетвореннымъ. Въ то же время умеръ Муравьевъ, и — двадцатилѣтній Батюшковъ остался безъ своего заботливаго руководителя. Эти первыя горести и первыя испытанія судьбы еще не заставили избалованнаго юношу отказаться отъ прежнихъ мечтаній о легкодостижимомъ счастіи, о жизни, посвященной одному наслажденію, но уже внесли въ его душу начало разлада, который съ тѣхъ поръ сталъ постепенно развиваться. Всегда чего-то ищущій и ни въ чемъ не находящій полнаго удовлетворенія, легко доступный увлеченіямъ, но быстро ихъ мѣняющій, болѣзненно чуткій ко всему, что затрогивало его самолюбіе, и въ то же время скорый и рѣшительный въ сужденіяхъ о другихъ людяхъ, Батюшковъ не хотѣлъ да и не умѣлъ примириться съ прозой жизни и приспособиться къ простымъ условіямъ ея обыденнаго теченія. Съ 1807 года по 1809 онъ участвовалъ въ двухъ войнахъ; но едва кончилась вторая изъ нихъ, шведская, какъ онъ задумалъ выйти въ отставку: ему не нравились условія военнаго быта въ мирное время. Затѣмъ онъ уѣхалъ въ деревню на отдыхъ, но скоро соскучился въ сельскомъ одиночествѣ. Общество, и притомъ такое, гдѣ бы его любили и цѣнили, было для него потребностію.

Въ 1810 и 1811 годахъ, въ Москвѣ, онъ сблизился съ Жуковскимъ, княземъ Вяземскимъ, Карамзинымъ, В. Л. Пушкинымъ и И. М. Муравьевымъ-Апостоломъ, и время, про-

веденное въ ихъ средѣ, было свѣтлымъ періодомъ его жизни. Здѣсь окрѣпли его литературныя мнѣнія и установился взглядъ его на отношенія тогдашнихъ литературныхъ партій къ основнымъ задачамъ и потребностямъ русскаго просвѣщенія; здѣсь и даро-ваніе Батюшкова встрѣтило сочувственную оцѣнку. Но и среди этихъ любезныхъ ему людей, нашего поэта попрежнему преслѣ-довала мысль, что жизнь его складывается не такъ, какъ бы онъ желалъ. На встрѣчу этому внутреннему недовольству его шли съ Запада новыя литературныя вѣянія. Созданный Шатобріаномъ типъ человѣка, разочароваинаго жизнью, овладѣвалъ тогда умами молодого поколѣнія. Мы, въ наше время, строго судимъ эгоиста Рене́, который бѣжитъ отъ людей и отказывается отъ всякой дѣятельности среди нихъ, потому что считаетъ себя всѣхъ выше и лучше; въ безумномъ самопоклоненіи этого себялюбца мы склонны признать лишь безсиліе воли, ничтожество характера, неспособ-наго бороться противъ враждебныхъ ему житейскихъ обстоя-тельствъ. Но въ типѣ разочароваинаго человѣка, даже въ той разновидности этого типа, какая изображена Шатобріаномъ, есть и другая сторона: въ разочарованіи Рене слышится про-тестъ противъ тѣхъ стѣснительныхъ условій, которыя общест-венный бытъ старой Европы налагалъ на свободное развитіе чело-вѣческой личности, и въ то же время въ изображеніи этого раз-очарованія чувствуется осужденіе того строя понятій, выработанныхъ XVIII вѣкомъ, который въ концѣ концовъ привелъ не къ освобожденію только, но уже къ полному разнузданію личности. Батюшковъ, быть-можетъ, одинъ изъ первыхъ русскихъ людей вкусилъ отъ горечи разочарованія. Не будемъ разбирать, существовали ли законныя причины для такого настроенія въ нѣсколько грубомъ, но простомъ бытѣ тогдашняго русскаго обще-ства; но несомнѣнно, мягкая, избалованная, самолюбивая натура нашего поэта, человѣка, жившаго исключительно отвлеченными интересами, представляла собою очень воспріимчивую почву для разъѣдающаго вліянія разочарованности. И съ той поры, какъ Батюшковъ поддался этому вліянію, всѣ обстоятельства его

собственной жизни стали представляться ему въ безотрадномъ свѣтѣ: нерѣдко, какъ Рене преувеличивалъ онъ свои несчастія, слишкомъ близко принималъ къ сердцу разныя мелкія неудачи, жаловался на измѣнившую ему любовь и даже на обманчивость дружбы. По большей части онъ былъ несправедливъ въ своихъ жалобахъ; но, охваченный одною идеей, однимъ настроеніемъ, онъ уже не могъ думать и чувствовать иначе и находилъ горькое самоуслажденіе въ томъ, чтобы безпрестанно тревожить свои сердечныя раны. За то этою живою впечатлительностью и нѣжною, почти болѣзненною чувствительностью воспиталось высокое дарованіе лирика, и онъ нашелъ въ себѣ силу выражать самыя глубокія движенія души.

Гроза 1812 года застала Батюшкова въ Петербургѣ. Онъ скоро понялъ рѣшительное значеніе великой начинавшейся борьбы и со всею страстностью своей природы отдался патріотическому одушевленію. Гибель Москвы подѣйствовала на него потрясающимъ образомъ:

. . . . . я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары.
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ,
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ.
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной
Среди развалинъ и могилъ;

Трикраты прахъ ея священной
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ, гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней,
И тамъ, гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ,
И тамъ, гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады,
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры! . . .

Поэтъ рѣшился снова стать въ ряды защитниковъ отечества. Въ этомъ рѣшеніи онъ нашелъ новую цѣль своему существованію, и воодушевленіе его было тѣмъ горячѣе и упорнѣе, что исполнить свое намѣреніе онъ могъ только въ 1813 году, послѣ того, какъ страшный врагъ уже оставилъ предѣлы Россіи. Высокій подъемъ духа не покидалъ Батюшкова въ теченіе всего заграничнаго похода. Торжество надъ Наполеономъ давало Россіи новое міровое значеніе и предвѣщало ея гражданственности новые успѣхи, достойные ея военныхъ побѣдъ. Мысль о томъ занимала Батюшкова и въ Парижѣ, когда онъ любовался собранными тамъ сокровищами искусства, и позже, когда онъ возвратился въ отечество.

Но едва поэтъ вступилъ на родную землю, какъ прежнее недовольство, прежнія сомнѣнія стали опять тревожить его. Патріотическій порывъ остылъ, и жизнь опять стала казаться ему

скучнымъ и безполезнымъ бременемъ. Еще передъ походомъ въ сердце его заронилась искра любви къ одной прекрасной молодой особѣ, жившей въ семьѣ Олениныхъ. Ея образъ сопровождалъ поэта въ теченіе всего періода славной борьбы на поляхъ Германіи и Франціи, и съ новою силой проснулось его чувство при встрѣчѣ съ любимою дѣвушкою въ Петербургѣ. Въ ея сочувствіи, въ тихихъ радостяхъ семейнаго счастія усталая душа поэта, быть-можетъ, нашла бы успокоеніе отъ прежнихъ тревогъ его существованія. Но судьба рѣшила иначе: Батюшковъ не встрѣтилъ взаимности тамъ, гдѣ ея искалъ, и—съ благородною гордостью поспѣшилъ отступиться отъ всякихъ исканій; съ болью въ сердцѣ рѣшилъ онъ покинуть Петербургъ и все, что́ было ему здѣсь мило. Въ горькія минуты своего отчаянія поэтъ могъ находить утѣшеніе въ теплой вѣрѣ въ Провидѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ, что послѣднія мечты его о счастіи разбиты въ прахъ и что сердце его умерло для новыхъ радостей.

Съ этой поры разочарованіе жизнью окончательно овладѣваетъ его душой. Но талантъ его въ эти тяжелыя минуты воспрянулъ съ небывалою силой: этому моменту въ жизни Батюшкова мы обязаны лучшими его созданіями—превосходными элегіями 1815 года, переложеніемъ «Пѣсни Гаральда Смѣлаго» и «Умирающимъ Тассомъ». Батюшкова «Тассъ» у всѣхъ въ памяти; тѣмъ не менѣе, я долженъ остановиться на немъ, чтобъ указать на тѣсную связь, существующую между этою великолѣпною пьесой и душевнымъ міромъ поэта, ее создавшаго.

Батюшковъ отъ самыхъ молодыхъ лѣтъ питалъ глубокое, почти благоговѣйное чувство и къ поэзіи Тасса, и къ личности самого поэта. Авторъ «Освобожденнаго Іерусалима» представлялся ему великимъ художникомъ, который умѣлъ сочетать въ своемъ творчествѣ классическое пониманіе красоты съ міросозерцаніемъ пламенно вѣрующаго христіанина. Съ другой стороны, романическія подробности Тассовой жизни, его мечтательная любовь къ Элеонорѣ д' Эсте, претерпѣнныя имъ гоненія, помѣшательство, бывшее слѣдствіемъ его несчастій, наконецъ—приго-

товленное ему вѣнчаніе въ Капитоліи и смерть, постигшая его почти наканунѣ этого торжества, всѣ эти необыкновенныя обстоятельства дѣлали Тасса въ глазахъ Батюшкова однимъ изъ тѣхъ великихъ своими дарованіями несчастливцевъ, которые погибаютъ прежде времени въ борьбѣ съ несправедливостью безпощадной судьбы. Въ своей собственной жизни Батюшковъ находилъ аналогіи съ горестною участью итальянскаго поэта: и онъ, подобно Тассу, рано лишился матери, и онъ имѣлъ столкновенія съ литературными непріятелями и потерпѣлъ оскорбленія на служебномъ поприщѣ, наконецъ—и онъ не нашелъ живительнаго сочувствія къ своей любви въ самую трудную пору своей жизни; какъ несчастія, испытанныя Тассомъ, довели его до состоянія мрачной меланхоліи, граничившей почти съ помраченіемъ разсудка, такъ и у Батюшкова не разъ бывали тягостные періоды хандры, которая—казалось ему—должна разрѣшиться потерею самосознанія; воспоминаніе объ участи его матери, скончавшейся въ состояніи умопомѣшательства, быть-можетъ, подсказывало ему предчувствіе печальнаго конца. И вотъ, въ ту пору жизни, когда поэтъ окончательно постигъ тщету своей юношеской мечты о счастіи, когда жизненный опытъ научилъ его не вѣрить той философіи наслажденія, что́ соблазняла его въ молодые годы, ему сталъ ясенъ весь трагизмъ жизни Тасса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весь трагизмъ его собственнаго жестокаго разочарованія. Тогда-то и созданъ былъ «Умирающій Тассъ», и представленный въ этой элегіи поэтическій образъ пѣвца Іерусалима, безвременно погибающаго съ надеждой найти успокоеніе лишь въ иномъ лучшемъ мірѣ,—явился какъ бы воплощеніемъ души самого нашего поэта, въ цвѣтѣ лѣтъ изнемогшаго въ жизненной борьбѣ и обращающаго къ Провидѣнію свои послѣднія упованія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что отъ самаго рожденія Батюшковъ носилъ въ себѣ зародыши грознаго наслѣдственнаго недуга; этимъ, быть-можетъ, объясняется и та податливость, съ которою онъ воспринялъ въ себя распространенныя въ его время вѣянія разочарованности. Послѣ того, какъ любовь его

осталась безъ отвѣта, душевное состояніе его становится все тревожнѣе и мрачнѣе: онъ какъ будто нигдѣ не находитъ себѣ мѣста; недовольный военною службой въ провинціальной глуши, онъ покидаетъ ее, ѣдетъ въ Москву, затѣмъ переселяется въ Петербургъ, предпринимаетъ поѣздку на югъ Россіи и здѣсь, въ Одессѣ, получаетъ извѣстіе о назначеніи его на дипломатическую службу въ Неаполь. Это назначеніе выхлопотали ему друзья, уже встревоженные дурными симптомами его душевнаго настроенія. Казалось бы, эта удача могла отчасти ободрить упавшій духъ поэта. Но на дѣлѣ вышло иначе: на дружеское извѣщеніе о своемъ назначеніи поэтъ могъ отвѣчать только новыми выраженіями своего разочарованія: «Я знаю Италію, не побывавъ въ ней. Тамъ не найду счастія, его нѣтъ нигдѣ; увѣренъ даже, что буду грустить о снѣгахъ родины и о людяхъ, мнѣ драгоцѣнныхъ. Ни зрѣлище чудесной природы, ни чудеса искусствъ не замѣнятъ для меня.... тѣхъ, кого привыкъ любить». Дѣйствительно, живя въ Неаполѣ, вдали отъ друзей и отечества, Батюшковъ вскорѣ почувствовалъ скуку и впалъ въ апатію и уныніе; сперва онъ старался бороться противъ нихъ усиленными занятіями; но мало по малу мрачное настроеніе стало брать верхъ. Тогда Батюшковъ рѣшилъ бросить и службу, и литературу. А между тѣмъ на горизонтѣ русской поэзіи появилось новое великое дарованіе: въ лицѣ Пушкина новое поколѣніе, возросшее подъ впечатлѣніями рѣшительной борьбы съ Наполеономъ, среди могучаго пробужденія народнаго духа, выступало на поприще литературной дѣятельности. Батюшковъ раньше многихъ оцѣнилъ геніальный талантъ Пушкина и внимательно слѣдилъ за его развитіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ чувствовать, что эта могучая творческая сила призвана заслонить собою всѣхъ своихъ предшественниковъ или, по крайней мѣрѣ, увлечь ихъ въ свое теченіе. Самолюбіе нашего поэта едва ли мирилось легко съ такимъ оборотомъ обстоятельствъ.

3 Батюшковъ возвратился въ отечество въ угнетенномъ со-

стояніи духа, и съ тѣхъ поръ развитіе его психическаго недуга пошло ускореннымъ ходомъ. Послѣдніе стихи, написанные имъ за границей, исполнены горькой, безотрадной скорби:

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мелхиседекъ?
Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.

Еще болѣе горечи слышится въ словахъ нашего поэта, сказанныхъ по возвращеніи въ Россію князю Вяземскому, въ отвѣтъ на вопросъ: не написалъ ли онъ чего-нибудь новаго: «Что писать мнѣ и что говорить о стихахъ моихъ? Я похожъ на человѣка, который не дошелъ до цѣли своей, а несъ онъ на головѣ сосудъ, чѣмъ-то наполненный. Сосудъ сорвался съ головы, упалъ и разбился въ дребезги. Поди, узнай теперь, что въ немъ было!»

Лишенный разсудка, Батюшковъ прожилъ еще столько же лѣтъ, сколько провелъ ихъ въ сознательной жизни. Въ печальномъ недугѣ ему суждено было пережить не только всѣхъ почти друзей своихъ и сверстниковъ, но и бо́льшую часть литературныхъ дѣятелей слѣдующаго поколѣнія, которое осталось ему уже невѣдомымъ.

Какой же слѣдъ оставила въ русскомъ искусствѣ непродолжительная творческая дѣятельность Батюшкова?

Геніальный Пушкинъ называлъ его своимъ учителемъ; вліяніе его чувствуется даже на нѣкоторыхъ поэтахъ послѣпушкинскаго періода. Этого довольно, чтобы признать за Батюшковымъ значительную долю участія въ развитіи русской поэзіи. Попытаюсь въ немногихъ словахъ охарактеризовать свойства его дарованія, которыми опредѣляется его вліяніе, а слѣдовательно, и его значеніе въ ходѣ нашей словесности.

Прежде всего, талантъ Батюшкова отличается совершенною искренностью. Какъ для личнаго характера нашего поэта основою служили простодушіе и откровенность, такъ и въ творчествѣ своемъ онъ былъ чуждъ всего надуманнаго, натянутаго, искусственнаго. Содержаніе его произведеній вращается большею частью въ сферѣ личнаго чувства: въ раннихъ пьесахъ паѳосъ его поэзіи составляетъ свѣтлое и мирное наслажденіе радостями жизни, въ позднѣйшихъ — томительное страданіе души, разочарованной въ своихъ мечтахъ о счастіи. Даже тѣ немногія стихотворенія, которыя по своему содержанію выходятъ изъ этихъ тѣсныхъ рамокъ, какъ посланіе къ Дашкову, «Переходъ черезъ Рейнъ», «Плѣнный», даже и они сохраняютъ непосредственное отношеніе къ личному, внутреннему настроенію поэта. Конечно, и до Батюшкова любовь воспѣвалась русскими стихотворцами, но лишь со времени его и Жуковскаго наша поэзія начинаетъ говорить о вѣчныхъ правахъ человѣческаго сердца не безцвѣтными общими выраженіями сентиментальнаго характера; лишь у нихъ въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ любви, слышенъ прямой голосъ живой души. У Жуковскаго однако любовь выражается только какъ стремленіе, какъ душевный порывъ къ неопредѣленному идеалу. Отношеніе къ ней Батюшкова гораздо проще и гораздо человѣчнѣе: въ піесахъ ранней поры у него йногда выступаетъ оттѣнокъ чувственности; но чѣмъ болѣе зрѣетъ душа поэта и, вмѣстѣ съ нею, талантъ его, тѣмъ чище, возвышеннѣе и благороднѣе становится его чувство, и тѣмъ тоньше и глубже выражается оно въ его поэзіи. Батюшкову было немного болѣе двадцати лѣтъ, когда, подъ вліяніемъ первой сильной страсти, онъ изобразилъ свое нравственное возрожденіе въ слѣдующей граціозной піесѣ, озаглавленной «Выздоровленіе»:

Какъ лапдышъ подъ серпомъ убійственнымъ жнеца
Склоняетъ голову и вянетъ,
Такъ я въ болѣзни ждалъ безвременно конца
И думалъ: Парки часъ настанетъ!

Ужь очи покрывалъ Эреба мракъ густой,
Ужь сердце модленнѣе билось....
Я вянулъ, изчезалъ, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приближилась, о, жизнь души моей,
И алыхъ устъ твоихъ дыханье,
И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,
И поцѣлуевъ сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милыхъ словъ
Меня изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
Для сладострастія призвали.
Ты снова жизнь даешь: она — твой даръ благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мнѣ сладокъ будетъ часъ и муки роковой:
Я отъ любви теперь увяну.

Позже, когда новая любовь овладѣла сердцемъ поэта, уже искушеннаго опытомъ жизни, но не нашла себѣ отзыва въ любимомъ существѣ, голосъ его души звучитъ еще болѣе глубокимъ чувствомъ въ томъ рядѣ высокихъ пѣсенъ, которыя составляютъ вѣнецъ его творчества. Напомню одну изъ нихъ, гдѣ поэтъ выражаетъ сознаніе, что онъ обманулся въ своей любви, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ безотрадное убѣжденіе, что съ этою утратой гибнетъ и другое его сокровище, его дарованіе. Батюшковъ говоритъ, что образъ любимаго существа сопровождалъ его неотлучно во всѣхъ его странствованіяхъ и походахъ вдали отъ родины, и затѣмъ продолжаетъ:

Исполненный всегда единственно тобою,
Съ какою радостью ступилъ на брегъ отчизны!
«Здѣсь будетъ» — я сказалъ — «душѣ моей покой,
«Конецъ трудамъ, конецъ и страннической жизни».
Ахъ, какъ обманутъ я въ мечтаніи моемъ!

Какъ счастье мнѣ коварно измѣнило
Въ любви и дружествѣ, во всемъ,
Что́ сердцу сладко льстило,
Что́ было тайною надеждою всегда!
Есть странствіямъ конецъ, печалямъ — никогда.
Въ твоемъ присутствіи страданія и муки
Я сердцемъ новыя позналъ:
Онѣ ужаснѣе разлуки,
Всего ужаснѣе! Я видѣлъ, я читалъ
Въ твоемъ молчаніи, въ прерывномъ разговорѣ,
Въ твоемъ уныломъ взорѣ,
Въ сей тайной горести потупленныхъ очей,
Въ улыбкѣ и въ самой веселости твоей
Слѣды сердечнаго терзанья....
Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ бремя жизнь! Что въ ней безъ упованья
Украсить жребій твой
Любви и дружества прочнѣйшими цвѣтами,
Всѣмъ жертвовать тебѣ, гордиться лишь тобой,
Блаженствомъ дней твоихъ и милыми очами,
Признательность твою и счастье находить
Въ рѣчахъ, въ улыбкѣ, въ каждомъ взорѣ,
Міръ, славу, суеты протекшія и горе,
Все, все у ногъ твоихъ, какъ тяжкій сонъ, забыть!
Что въ жизни безъ тебя! Что въ ней безъ упованья,
Безъ дружбы, безъ любви — безъ идоловъ моихъ!...
И муза, сѣтуя безъ нихъ,
Свѣтильникъ гаситъ дарованья!

Прочитавъ такіе стихи, мы не затруднимся сказать, что лиризмъ Батюшкова коренится глубоко въ его сердцѣ.

Но одною искренностью и задушевностью не исчерпывается дарованіе нашего поэта. Яркая опредѣленность, такъ сказать, осязательность образовъ, создаваемыхъ фантазіей Батюшкова, составляетъ другую отличительную особенность его таланта. Его

поэзія совершенно чужда отвлеченности, свойственной многимъ лирикамъ, между прочимъ и Жуковскому, и въ то же время въ ней нѣтъ ничего неестественнаго, ничего такого, что́ не выдержало бы простого разсудочнаго анализа: его поэтическія созданія совершенно реальны, близки къ дѣйствительности, несмотря даже на то, что поэтъ, по обычаю своего времени, нерѣдко употребляетъ иносказательные обороты рѣчи, перифразу, или вводитъ миѳологическіе термины вмѣсто означенія предметовъ ихъ прямыми наименованіями. Всегда вѣрно намѣчая то внутреннія движенія души, то образы внѣшняго міра, то соотношеніе между тѣми и другими, поэтическая живопись Батюшкова отличается широкимъ размахомъ кисти. Припомнимъ нѣсколько чертъ; напримѣръ, начало стихотворенія «Тѣнь друга»:

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона:
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ;
За кораблемъ вилася гальціона,
И тихій гласъ ея пловцовъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ,
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ....

Или:

«Гезіодъ и Омиръ соперники»:
Народы, какъ волны, въ Колхиду текли,
Народы счастливой Эллады.
Тамъ сильный владыка, надъ прахомъ отца
Окончa печальны обряды,
Ристалища славы бойцамъ отверзалъ.

Три раза съ румяной денницей
Бойцы выступали съ бойцами на бой,
Три раза стремили возницы
Коней легконогихъ по звонкимъ полямъ,
И трижды владѣтель Колхиды
Достойнымъ оливны вѣнки раздавалъ.
Но солнце на лоно Ѳетиды
Склонялось, и новый готовился бой.
Очистите поле, возницы!
Спѣшите, залейте студеной струей
Пылающи оси и спицы!
Коней отрѣшите отъ тягостныхъ узъ
И въ стойлы прохладны ведите!
Вы, пылью и пóтомъ покрыты бойцы,
При пламени свѣтломъ вздохните!
Внемлите, народы, Эллады сыны,
Высокія пѣсни внемлите!...

Или еще:

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъ ароматъ и мирры сладкій дымъ
Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?...

Не буду продолжать, потому что «Умирающій Тассъ» хорошо извѣстенъ всѣмъ любителямъ поэзіи. Замѣчу только, что приведенныя начала трехъ стихотвореній нашего поэта всего яснѣе показываютъ, какъ мастерски умѣлъ онъ съ перваго же слова овладѣвать вниманіемъ читателя и, набросавъ предъ нимъ широкую поэтическую картину, сразу вводить его въ тотъ міръ, въ ту среду впечатлѣній, интересовъ и óбразовъ, въ которую увлечена его фантазія и которыми питается, въ данную минуту, его чувство. Этою способностью очаровывать силой и яркостью своихъ творческихъ созданій обладалъ въ русской литературѣ

до Батюшкова одинъ Державинъ, а послѣ довелъ это искусство до высшаго совершенства Пушкинъ; тайна этого очарованія заключается въ объективномъ характерѣ ихъ творчества. Въ Батюшковѣ эта высшая художественная способность была настолько сильна, что, несмотря на преобладающіе у него, въ позднѣйшую пору развитія его таланта, мотивы разочарованности, онъ могъ въ то же время проникаться свѣтлымъ міросозерцаніемъ классической древности и написать нѣсколько превосходныхъ піесъ въ духѣ и стилѣ греческой Антологіи.

Уже все сказанное обнаруживаетъ въ Батюшковѣ сознательнаго художника, поэта, который всегда остается властнымъ хозяиномъ своей фантазіи и умѣетъ дать вѣрное направленіе ея порывамъ. Но еще болѣе замѣтенъ тонкій художественный расчетъ опытнаго мастера во внѣшней формѣ произведеній нашего поэта.

Коренной принципъ лирики — выражать непосредственное ощущеніе или рядъ подобныхъ ощущеній, но тѣсно связанныхъ между собою; только при этомъ условіи лирическая піеса можетъ сохранить внутреннее единство или цѣльность. Лирика псевдоклассическаго періода однако очень рѣдко удовлетворяла этому требованію: старинные сочинители одъ и элегій, даже наиболѣе даровитые, обыкновенно топили вдохновлявшее ихъ чувство въ безконечныхъ повтореніяхъ и риторическихъ распространеніяхъ. Батюшковъ, которому знакомы были образцы классической лирики Горація и Тибулла, рѣзко отдѣляется отъ своихъ русскихъ предшественниковъ въ лирической поэзіи художественнымъ чувствомъ мѣры: его пьесы по большей части не велики по объему, а лучшія изъ нихъ строго выдержаны въ своемъ составѣ и отличаются замѣчательною цѣльностью. Сосредоточивая свое вдохновеніе на одномъ какомъ-нибудь чувствѣ, нашъ поэтъ рукою мастера изображаетъ его развитіе и переливы, оттѣняя каждый изъ нихъ новыми чертами и такимъ образомъ все полнѣе и полнѣе раскрывая предъ нами свое душевное настроеніе. Эта искусная постепенность въ изображеніи чувства не имѣетъ

ничего общаго со старинными пріемами риторическаго распространенія: она вѣрна психологически и потому производитъ глубокое впечатлѣніе. А что она выработана Батюшковымъ сознательно, это всего яснѣе, быть-можетъ, доказывается тѣмъ, что поэтъ рѣдко приберегаетъ къ концу своихъ стихотвореній самый сильный аккордъ своей лиры: напротивъ того, онъ обыкновенно предпочитаетъ заключить пьесу смягченными, пониженными тонами, которые замираютъ постепенно, словно теряются вдали, какъ звуки эоловой арфы, и тѣмъ дольше удерживаютъ душу читателя въ томъ настроеніи, какое желалъ вызвать поэтъ.

Нужно было воспитать въ себѣ тонкое художественное чувство, чтобы задавать подобныя задачи своему творчеству. И разрѣшеніе этихъ задачъ было тѣмъ труднѣе для Батюшкова, что онъ сознавалъ всю недостаточность или, вѣрнѣе сказать, всю необработанность того матеріала, которымъ ему приходилось орудовать: я разумѣю русскій литературный языкъ его времени. Дѣйствительно, подъ перомъ тогдашнихъ писателей русскій стихъ едва начиналъ пріобрѣтать гладкость, а силы, звучности и гармоніи достигалъ очень рѣдко; русская поэтическая рѣчь еще представляла нестройную смѣсь высокопарныхъ славянизмовъ съ сухими или даже пошлыми выраженіями самой обыденной фразеологіи; ради соблюденія размѣра словá часто располагались въ стихахъ очень произвольно, такъ что смыслъ рѣчи становился запутаннымъ. Батюшковъ сильно возмущался этими недостатками и причину ихъ предполагалъ въ свойствѣ самаго нашего языка. Какъ въ русскомъ, такъ и въ языкахъ германскаго корня, онъ находилъ «суровость, глухіе или дикіе звуки, медленность въ выговорѣ и нѣчто принадлежащее сѣверу». «Я смѣшонъ по совѣсти», писалъ онъ Гнѣдичу, окончивъ своего «Умирающаго Тасса»;—не похожъ ли я на слѣпого нищаго, который, услышавъ прекраснаго виртоуза на арфѣ, вдругъ вздумалъ воспѣвать ему хвалу на волынкѣ или балалайкѣ? Виртуозъ—Тассъ, арфа—языкъ Италіи его, нищій—я, а балалайка—языкъ нашъ, жестокій языкъ, что ни говори». Жесткости русскаго языка

онъ противополагалъ музыкальность итальянскаго, которымъ восхищался въ стихахъ Данта и Петрарки, Аріоста и Тасса. Такой приговоръ надъ нашимъ богатымъ и прекраснымъ языкомъ, конечно, несправедливъ; но къ сужденію этому должно быть снисходительнымъ: напомню еще разъ, что Батюшковъ имѣлъ въ виду только скудный литературный языкъ своего времени, а не свѣжую, живую и образную рѣчь народную, которую онъ еще не научился цѣнить. Замѣчу кстати, что онъ не былъ исключительнымъ врагомъ и славянизмовъ; онъ вооружался только противъ злоупотребленія ими, но въ то же время признавалъ, что «верхъ искусства — похищать древнія слова и давать имъ мѣсто въ нашемъ языкѣ». Вообще, онъ былъ того убѣжденія, что литературный языкъ создается тонкимъ чутьемъ и изящнымъ вкусомъ писателей, и что созданіе русскаго литературнаго языка еще не закончено, еще нуждается въ образованныхъ дѣлателяхъ. Самъ Батюшковъ не мало потрудился надъ обработкой нашей поэтической рѣчи: въ его стихотвореніяхъ встрѣчается много прекрасныхъ выраженій и оборотовъ, которыхъ нѣтъ у писателей болѣе ранняго времени, но которые были усвоены поэтами позднѣйшими. Что касается собственно версификаціи, то стройность, сжатость и вообще изящество итальянскаго стиха послужили ему образцомъ, по которому онъ старался выработать свой собственный стихъ. И усилія его были не напрасны: въ произведеніяхъ Батюшкова, особенно въ піесахъ позднѣйшей поры, стихъ его пріобрѣтаетъ гармонію, гибкость и упругость, небывалыя дотолѣ въ русской поэзіи.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ,
И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я ближняго люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать

И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ сталъ подъ холодомъ годовъ.
Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ,
И какъ молчать о нихъ — не знаю.

Подъ строками такой мастерской фактуры, гдѣ однообразно-гармоническое теченіе словъ само по себѣ служитъ выраженіемъ грустнаго настроенія души поэта, не отказался бы подписать свое имя ни одинъ изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ ни до Батюшкова, ни послѣ него. Не даромъ великій художникъ Пушкинъ назвалъ Батюшкова счастливымъ сподвижникомъ Ломоносова, сдѣлавшимъ для русскаго языка то же самое, что́ Петрарка для итальянцевъ.

Вообще, съ какой бы стороны мы ни взглянули на творческую дѣятельность Батюшкова, элементъ чистаго искусства выступаетъ въ ней на первомъ планѣ. Онъ былъ художникъ по преимуществу, и потому вліяніе, какое онъ могъ имѣть, должно было отразиться главнымъ образомъ въ области искусства.

Прямымъ и лучшимъ воспріемникомъ этого вліянія былъ именно Пушкинъ. Извѣстно, что въ молодости своей изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ онъ подражалъ всего болѣе Батюшкову; онъ сохранилъ благодарную память и уваженіе къ нему и въ зрѣлыя лѣта. Въ посланіяхъ, элегіяхъ и антологическихъ пьесахъ Батюшкова Пушкинъ нашелъ образцы и художественной формы, и объективности поэтическаго міросозерцанія. То живое сознаніе и творческое возсозданіе душевной жизни, которое развилось такимъ роскошнымъ цвѣтомъ въ лирикѣ Пушкина и составляетъ ея неувядаемую прелесть, уже находится въ зародышѣ въ поэзіи Батюшкова, столь искренней и глубокой въ выраженіи личнаго чувства. Конечно, у геніальнаго ученика эта поэтическая психологія несравненно шире и разнообразнѣе, между тѣмъ какъ даровитый учитель былъ въ силахъ исчерпать лишь одно настроеніе — горькую разочарованность нѣжной и чувствительной души; но

блестящая попытка Батюшкова все же составляетъ его великую заслугу: онъ первый, такъ сказать, далъ тонъ интимной лирикѣ въ нашей поэзіи.

Творческая дѣятельность Пушкина кладетъ столь рѣзкую грань въ развитіи нашей литературы, что вся прежняя жизнь ея кажется многимъ какъ бы въ туманѣ и считается не заслуживающею ближайшаго изученія. Это совершенно несправедливо. Ходъ нашей литературы до Пушкина представляетъ собою не только рядъ послѣдовательныхъ ступеней въ развитіи образованности; въ ней выступаютъ не только крупные дѣятели просвѣщенія, носители гуманныхъ идей, но и сильныя дарованія, оставившія хотя не многочисленные, но навсегда живые памятники своего творчества. Въ ряду этихъ дарованій одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Константину Николаевичу Батюшкову, ближайшему предшественнику Пушкина и одному изъ тѣхъ русскихъ поэтовъ, которые, подобно ему, могли бы сказать о себѣ: «Нѣтъ, весь я не умру!»